

НАРОДЫ СССР

© 1991 г., СЭ, № 6

М. Ф. Пилипенко. Возникновение Белоруссии: новая концепция. Минск, 1991. 144 с.

В последнее время в Беларуси обострился интерес к этнической истории и особенно к происхождению коренного этноса. Это связано с активизацией этнического самосознания, развитием гласности и появлением возможности высказывать в печати точки зрения, не совпадающие с утвердившимися в исторической науке взглядами. Ведь еще не так давно отклонение от освященных официальной идеологией исторических концепций сразу же вызывало в республике запретительные меры. Пример этому — длительное игнорирование оригинальных работ белорусского историка Н. Ермоловича, которые были опубликованы лишь в 1991 г.¹ Еще памятно и запрещение так называемыми «компетентными органами» конференции по проблеме «Этногенез белорусов» в 1973 г.

В начавшемся процессе переосмысления истории Беларуси, заметной вехой будет публикация рецензируемой монографии. М. Ф. Пилипенко известен как автор первого учебника по этнографии Беларуси. Рассматриваемая здесь его книга, как отмечено в предисловии, результат более чем пятнадцатилетней исследовательской работы. Автор использует отечественные и зарубежные публикации по проблеме происхождения белорусов, а также данные древних летописей, языкознания, этнографии, фольклористики, антропологии, археологии и других исторических наук.

Проанализировав эволюционную и миграционную сторону этнических процессов, М. Ф. Пилипенко в своей трактовке этногенеза белорусов большое место отводит диффузии элементов культуры и языка под воздействием экономического, политического и географического факторов. Такой способ исследования позволил сделать ряд интересных выводов.

Этническая и этнокультурная история Беларуси в монографии прослеживается с эпохи палеолита до конца XVI — начала XVII в. когда завершается процесс формирования белорусского этноса. С конца неолита можно высказывать предположение об этнических особенностях населения, жившего на территории современной Беларуси. Основываясь на данных археологии, автор указывает на возможность появления примерно в 3 тыс. до н. э. в Подвинье и Поднепровье финно-угорских групп уральского населения, а в долине Припяти — групп индоевропейцев. Однако этим выводам явно не хватает аргументации. При более тщательном анализе имеющихся источников данный сюжет был бы освещен более четко.

Более уверенно М. Ф. Пилипенко говорит об этническом заселении территории Беларуси в эпоху раннего металла (конец 3 тыс. до н. э. — 4—5 вв. н. э.) индоевропейским населением балтской ветви и в некоторых местах на юго-западе — славянской. Однако процесс появления славян на современной белорусской территории охарактеризован схематично, поэтому читатель не получает о нем достаточного представления.

Более обстоятельно исследован последующий период в этнической истории Беларуси — раннее средневековье. Его особенности — в широком расселении славянского населения и формировании первоначальных восточнославянских общностей — дреговичей, радимичей, кривичей в результате ассимиляции балтов славянами. М. Ф. Пилипенко делает вывод, что это были не союзы племен, как считалось ранее, а протонародности и именно они, а не последующие этнические общности содержали в себе балтский субстрат.

Значительное внимание в книге уделяется древнерусскому периоду в этногенезе белорусов. Автор предпринял попытку показать процесс формирования общеславянской этнической территории под названием «Русь» на основе консолидации восточноэтнических общностей. Он утверждает, что в общеславянский период территория современной Беларуси вместе с другими восточнославянскими землями также называлась «Русью». В пределах же Руси юг современной Беларуси носил название «Полесье», а север — «Белая Русь». Эти локальные названия происходили, по мнению автора, от этнонимов двух групп общеславянской этнической общности: «полешуков», проживавших в долине реки Припяти, и «белорусцев», населявших подвиноднонепровский регион. Эти группы в позднем средневековье и составили основу белорусского этноса. Современное звучание термин «Белая Русь» (Беларусь, Белоруссия) приобрел, по заключению автора, в XV—XVI вв.

Выделение двух названных субэтносов, составлявших основу этногенеза белорусов, аргументируется довольно многочисленными данными в 5-й главе, посвященной локальным различиям в языке и культуре восточнославянского населения Западной Руси. Кстати, аргументация может быть расширена и за счет некоторых других явлений традиционной культуры, не нашедших отражения в книге (например, рыболовной техники, ряда элементов одежды и т. д.). Вместе с тем выделение на территории Беларуси только двух этнографических регионов в древнерусский период, на мой взгляд, но-

сит довольно общий характер и несколько упрощает проблему происхождения белорусов. Проведенные в Беларуси исследования традиционной культуры свидетельствуют о ее более сложной этнографической характеристике. В частности, это показывает историко-этнографическое районирование традиционной материальной культуры XIX — начала XX в., предпринятое В. С. Титовым¹, который выделяет — и не без оснований — шесть регионов: Северный (Поозерье), Восточный (Поднепровье), Центральный, Северо-Западный (Понеманье), Восточное и Западное Полесье. Надо полагать, что особенности этих регионов проявлялись и в средневековье. Во всяком случае сопоставление данных М. Ф. Пилипенко и В. С. Титова было бы полезным.

Автор рецензируемой монографии не считает лишь «полешуков» и «белорусцев» предками белорусского этноса. Он по-новому оценивает и роль невосточнотатарских этнических групп в процессе происхождения белорусов, указывая на участие в этом процессе поляков, балтов, причем не только восточных (литвы, латыголы), но и западных (пруссы, жемайты, ятвяги), а также татар.

Безусловно, есть основания говорить об участии неславянского населения в этногенезе белорусов. Однако предложенное решение этого вопроса довольно спорное. Особое сомнение вызывает тезис о том, что влияние на этот процесс — хотя и небольшое — оказали татары. Нужна более убедительная аргументация, чем та, которая предложена в книге. Приведенные названия поселений, фамилии, термины татарского происхождения еще не доказывают изменений во всем этносе под влиянием татар. Очень уж локальным было взаимодействие отдельных групп татар с местным населением.

Убедительно показаны в книге причины, под воздействием которых образовалась Беларусь. В числе основных выделены консолидация местного населения в борьбе против немецких крестоносцев и татар, активное экономическое развитие в позднем средневековье регионов Немана, Минска, Могилева и установление тесных связей с этими регионами поприпятских и подвинских земель, а также политическое объединение белорусских земель в Великом княжестве Литовском, Русском, Жемайтском государствах.

Свои взгляды М. Ф. Пилипенко отстаивает в полемике с другими исследователями данной проблемы — В. В. Седовым, Е. Ф. Карским, В. И. Пичетой, М. Я. Гринблатом. Так, рассматривая концепцию В. В. Седова о появлении белорусов в результате синтеза славянских и балтских традиционных культур и языка, автор доказывает, что основные культурные и языковые элементы балтского происхождения, которыми оперирует В. В. Седов: почитание ушей и камней в традиционной религии белорусов, женский головной убор (наметка), несшитая поясная одежда (понева), лапти прямого плетения, столбовая техника возведения построек, ряд черт белорусской фонетики (твердый «р», смягченное «д», аканье) — имели гораздо больший ареал распространения, чтобы являться субстратными только для белорусов. Подводя итог полемике с названными учеными, М. Ф. Пилипенко отмечает, что спорность их концепций вытекает из того, что они игнорировали в своих доказательствах такой важный этнический признак как этническое самосознание, а также роль диффузии в этнических процессах, перегруппировку элементов языка и культуры, сводя эти процессы только к эмиграции или эволюции. Они также не учли данных экономической и политической истории (В. В. Седов, М. Я. Гринблат), этнографии и антропологии (В. И. Пичета).

Не отрицая роли диффузии в этнических процессах, мы полагаем, что М. Ф. Пилипенко преувеличивает ее значение, особенно в древнерусский период этнической истории белорусов, не учитывая устойчивую оседлость основной массы населения, ведущего натуральное хозяйство, неразвитость коммуникаций, ограниченность их преимущественно вербальным общением.

Хотя решение ряда проблем, поставленных в книге, дискуссионно, выводы автора не всегда достаточно аргументированы, она представляет серьезный вклад в изучение этногенеза белорусского народа.

И. Н. Браим

Примечания

¹ Ермаловіч М. І. Старажытная Беларусь: Полацкі і Навагародскі перыяды. Мінск, 1990; яго же. Па слядах аднаго міфа. Мінск, 1991.

² См.: В. С. Титов. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. XIX — начало XX в. Минск, 1983.

© 1991 г., СЭ, № 6

М. Г. Туров. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX века (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. 176 с.

Монография М. Г. Турова посвящена анализу хозяйств одного из малочисленных народов Сибири — эвенков в конце XIX — начале XX в. На ее страницах дается развернутая характеристика различных видов производственной деятельности, места последних в общей системе хозяйства, выясняются главные принципы освоения среды. В книге содержится богатый материал о конкретных способах адаптации, рациональных знаниях эвенков, о таких элементах жизнеобеспечения, как поселения, жилище, пища. Содержание книги объемнее ее названия, поскольку в ней рассматриваются не только хозяйство, в традиционных обществах тесно взаимосвязанное с природопользованием, но и многие стороны материальной культуры. Работа М. Г. Турова вписывается в экологическую тематику этнографических исследований, активно разрабатываемую в советской этнографии с 1980-х годов как в преимущественно теоретическом (Ю. В. Бромлей, Р. Ф. Итс, В. И. Козлов и др.), так и в преимущественно эмпирическом аспектах (например,